ВХ
601

О ПРЕДСТАВЛЕНІИ СТАРООБРЯДЦЕВЪ

АВСТРІЙСКАГО СОГЛАСІЯ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ МИТРОПОЛИТУ СЕРГІЮ.

и

О ПРИМѢЧАТЕЛЬНОЙ РѢЧИ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Н. Субботина.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1893.

12

639
37

I.

Обстоятельства вынудили насъ провести лѣто нынѣшняго года внѣ Москвы, а часть осени даже на южномъ берегу Крыма. Возвратившись оттуда, не мало нашли мы новаго въ Москвѣ, и именно въ области, наиболѣе близкой намъ и наиболѣе насъ интересующей. Самое главное и важное — въ Москвѣ былъ уже новый архипастырь. Всѣ «церковные» люди, всѣ, кто близко къ сердцу принимаетъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его начальными дѣйствіями и распоряженіями, и выносили изъ своихъ наблюденій отрадныя надежды на будущее. Изъ сферъ, близкихъ къ расколу, доходили слухи, что и досужіе старообрядцы по Австрійскому священству уже сдѣлали попытку заслужить благоволеніе, или по крайней мѣрѣ снисхожденіе къ нимъ (т.-е къ ихъ незаконнымъ дѣйствіямъ) у новаго владыки, — но попытка не увѣнчалась успѣхомъ, къ великой радости православныхъ и къ немалому огорченію ревнителей раскола. Такіе ходили слухи; а потомъ явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и статья, сообщающая нѣкоторыя подробности о свиданіи представителей Австрійскаго старообрядческаго согласія съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Сергіемъ, — статья, писанная, очевидно, лицомъ, имѣвшимъ точныя о немъ свѣдѣнія. Съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ въ нашей, надолго прерванной, Лѣтописи эту статью, такъ какъ и она, и особено самое событіе, въ ней описанное, имѣютъ, по нашему убѣжденію, чрезвычайно важное значеніе для уясненія и установленія отношеній, долженствующихъ быть между православнымъ архипастыремъ и расколомъ,— особенно той половиной раскола, которая имѣетъ своихъ, якобы

«древлеправославныхъ», лжепастырей и, отвергая законность православныхъ архипастырей, стремится замѣнить ихъ этими своими ложными архіепископами и епископами, открыто существующими подъ именемъ Московскихъ, Казанскихъ, Нижегородскихъ и т. д. Вотъ что̀ именно читаемъ въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

Испросивъ предварительно у владыки митрополита разрѣшеніе представиться его высокопреосвященству, депутація отъ московскихъ старообрядцевъ Австрійскаго согласія явилась 9 сентября ко владыкѣ, съ хлѣбомъ-солью на блюдѣ Подъ благословеніе ко владыкѣ старообрядцы не подошли, а просили только принять отъ нихъ хлѣбъ-соль. Владыка спросилъ, съ какою цѣлью подносятъ ониему это. Старообрядцы отвѣтили, что они рады его пріѣзду въ Москву и, въ знакъ уваженія къ нему, по русскому обычаю подносятъ ему и просятъ принять хлѣбъ-соль.

Владыка отвѣтилъ.

«Понятно, когда вы, соблюдая, какъ говорите, русскій обычай, подносите хлѣбъ-соль свѣтскимъ лицамъ, которымъ подчинены; но я лицо духовное, отъ котораго вы не состоите ни въ какой зависимости. Когда кто изъ православныхъ подноситъ мнѣ хлѣбъ-соль, то прежде подходитъ подъ благословеніе, и я, хотя человѣкъ грѣшный, но получившій преемственно отъ Апостоловъ епископскую благодать, преподаю имъ благословеніе, и получившіе мое благословеніе сознаютъ, что сподобляются благодати по своей вѣрѣ. Посему, когда случалось мнѣ, при обозрѣніи епархіи, принимать хлѣбъ отъ деревенскихъ жителей, я имѣлъ обыкновеніе, благословивъ его, преломлять на части, вкушалъ самъ и раздавалъ предстоящимъ и поднесшимъ, въ знакъ духовнаго общенія. А теперь — могу ли я сдѣлать такъ?... Вы не подходили ко мнѣ подъ благословеніе, посему и отъ благословеннаго мною хлѣба вкушать не будете... Какъ же я могу принять отъ васъ хлѣбъ-соль, когда вы вкусить отъ благословеннаго мною хлѣба считаете невозможнымъ? Если вы не можете принять моего благословенія, то и я не могу принять вашего приношенія. Принять его было бы противно моей совѣсти, и этимъ я ввелъ бы себя въ зазрѣніе у православныхъ».

Старообрядцы настаивали чтобы владыка принялъ хлѣбъ-соль просто по русскому обычаю, не благославляя.

Владыка отвѣтилъ:

«То же говорили мнѣ люди разныхъ исповѣданій, и даже евреи, поднося хлѣбъ-соль; о духовномъ общеніи тутъ не могло быть и рѣчи, они не дѣлали о томъ никакого упоминанія и оставались при своей вѣрѣ, считая ее истинною. Такъ и у васъ, старообрядцевъ, сколько есть различныхъ толковъ, и каждое общество себя только полагаетъ быть правымъ и почитаетъ святою соборною апостольскою церковью, прочихъ всѣхъ — еретиками. Если я отъ васъ приму хлѣбъ-соль, то придутъ ко мнѣ разныхъ толковъ безпоповцы, придутъ ваши неокружники, и, ссылаясь на васъ, будутъ говорить: «Какъ принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, такъ прими и отъ насъ; притомъ мы лучше ихъ, — мы одни правовѣрующіе, мы только и составляемъ собою соборную и апостольскою церковь». И когда приму отъ васъ хлѣбъ-соль, то надо принимать и отъ всѣхъ, за что и вы не похвалите меня».

Старообрядцы продолжали просить. Владыка сказалъ:

«Вы настаиваете, чтобы я принялъ отъ васъ хлѣбъ-соль, а подъ благословеніе не подходите; скажите, за кого вы меня почитаете, кому подносите хлѣбъ-соль? Я съ вами говорю откровенно,а вы со мною говорите уклончиво. Не принимая моего благословенія, вы этимъ прямо даете знать, что признаете меня за еретика».

Старообрядцы возразили: «Мы подъ благословеніе не подходимъ, потому что, какъ сами знаете, еще въ предкахъ нашихъ сдѣлалось раздѣленіе». Владыка отвѣтилъ:

«Предки ваши отъ Церкви отдѣлились несправедливо, ошиблись; а вы обязаны ли слѣдовать ихъ ошибкѣ?»

Старообрядцы сказали, что они слѣдуютъ старинѣ. Владыка отвѣтилъ:

«Въ старыхъ книгахъ есть обряды ваши и наши, — есть двуперстіе, есть и троеперстіе. Когда то и другое есть въ старыхъ книгахъ, изъ-за чего же раздѣляться и раздирать Церковь? А притомъ Церковь въ обрядахъ дѣлаетъ вамъ всевозможныя уступки...»

Старообрядцы сказали: «Ваши предшественники отъ насъ принимали хлѣбъ-соль». Владыка отвѣтилъ:

«Я дѣйствую по моему убѣжденію и объяснилъ уже вамъ, по какимъ причинамъ не могу принять».

Старообрядцы сказали: «Митрополитъ Иннокентій, принимая насъ, сказалъ: нужно молиться и благодать поможетъ разсмотрѣть истину. И Господь сказалъ въ Евангеліи: никто же можетъ прійти ко Мнѣ...» но дальнѣйшія слова умолчали. Владыко дополнилъ, говоря:

«Господь сказалъ во Евангеліи: *Никтоже можетъ притти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его*».

Старообрядцы возразили: «Видите, только благодать привлекаетъ человѣка!» Владыка сказалъ:

«Благодать упорныхъ и нехотящихъ не привлекаетъ. Самъ Господь сказалъ: *обратитеся ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ;* велѣно испытывать Писанія, чтобы уразумѣть истину».

Старообрядцы согласились, что нужно разсмотрѣть истину. Владыка сказалъ:

«Если хотите разсматривать истину, то можете всегда приходить ко мнѣ; я готовъ всякому сказать правду».

Затѣмъ, не принявъ приношенія, высокопреосвященный отпустилъ старообрядцевъ.

Итакъ, новый московскій архипастырь ясно и точно указалъ старообрядцамъ Австрійскаго согласія тѣ отношенія къ расколу, въ какія намѣренъ поставить себя и въ какихъ дѣйствительно долженъ находится православный архипастырь: онъ всегда готовъ принимать старообрядцевъ для бесѣдъ съ ними о вѣрѣ, для разъясненія имъ истины въ вопросахъ разномыслія между расколомъ и православіемъ, для разрѣшенія ихъ сомнѣній и недоумѣній относительно церкви, но хлѣба и соли отъ нихъ не приметъ дотолѣ, пока они сами не примутъ прежде его благословенія и не согласятся раздѣлить съ нимъ благословенный имъ хлѣбъ, то-есть пока остаются въ расколѣ съ церковію. Это значитъ, что онъ признаетъ недозволительнымъ для православнаго архипастыря, не согласнымъ съ его достоинствомъ и обязанностями — входить въ близкое житейское общеніе съ раскольниками, даже вкушать ихъ хлѣбъ-соль, при отсутствіи духовнаго взаимнаго общенія,— и признаетъ на основаніяхъ несомнѣнной справедливости. Поступивъ иначе, онъ оказалъ бы потворство и снисхожденіе лжи и лукавству раскольниковъ: ибо они поднося хлѣбъ-соль московскому православному митрополиту будто бы въ знакъ особаго къ нему уваженія и въ свидѣтельство своей радости по случаю его пріѣзда въ Москву, на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, не питаютъ и не могутъ питать къ нему никакого уваженія, какъ лицу, которое считаютъ за еретика, благословеніемъ котораго гнушаются, почитая его еретиче-

скимъ, безблагодатнымъ, — на самомъ дѣлѣ не радуются и не могутъ радоваться его прибытію въ Москву, такъ какъ видятъ въ немъ лицо, незаконно занимающее мѣсто, якобы принадлежащее ихъ «древлеправославному» Московскому архіепископу, — они могутъ радоваться и торжествовать только тогда, когда возведутъ воровски на Московскую архіепископскую каѳедру какого-нибудь своего Антонія, или Савватія. Итакъ, утверждая, что подносятъ хлѣбъ-соль новому Московскому владыкѣ въ знакъ уваженія къ нему и въ знакъ радости по случаю его пріѣзда въ Москву, старообрядцы Австрійскаго согласія говорили явную неправду, и было бы, дѣйствительно, недостойно православнаго архипастыря не проникнуть ихъ неправды, или, проникнувъ, потворствовать ей, подчиниться ихъ лукавству. Но если бы тутъ и не было лукавства и лжи (чего въ дѣйствительности не могло не быть), и въ такомъ случаѣ одно уже достоинство и призваніе православнаго архипастыря требовали показать старообрядцамъ, что между нимъ и людьми, которые признаютъ его еретикомъ и гнушаются его благословенія, не можетъ быть иного общенія кромѣ того, чтобы мирно бесѣдовать съ ними о ихъ бѣдственномъ религіозномъ положеніи, разъяснять имъ ихъ сомнѣнія и недоумѣнія.

Весьма ясно для каждаго, разумѣющаго дѣло, что старообрядцы по Австрійскому священству подношеніемъ хлѣба-соли, хотѣли только снискать себѣ благоволеніе и благосклонность новаго митрополита Москвы, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что одною изъ благопріятельствующихъ причинъ ихъ нынѣшняго привилегированнаго положенія въ Москвѣ служитъ снисходительное равнодушіе къ нему и со стороны Московскаго высшаго духовнаго начальства,—что отчасти благодаря именно этому равнодушію и ихъ Савватій такимъ нагло-открымъ образомъ живетъ и служитъ въ столицѣ, поставляя здѣсь раскольническихъ поповъ для всей почти Россіи, и на Рогожскомъ Кладбищѣ, застроенномъ новыми великолѣпными зданіями, такъ же открыто живетъ и служитъ цѣлый штатъ поповъ и дьяконовъ австрійскаго поставленія, незаконно введенныхъ сюда въ нарушеніе Высочайшей воли, требующей, чтобы на Рогож-

скомъ Кладбищѣ не было раскольническихъ поповъ, почему и самые алтари въ рогожскихъ часовняхъ Высочайше повелѣно запечатать. Вотъ это именно снисхожденіе, если только не потворство, старообрядцамъ, — это равнодушіе ко всѣмъ беззаконіямъ московскаго раскола, ко всѣмъ вопіющимъ злодѣяніямъ Савватія, ко всему, что̀ творится на Рогожскомъ Кладбищѣ, даже въ посмѣяніе Высочайшей воли, — вотъ что̀ желательно было московскимъ австрійцамъ пріобрѣсти, или обезпечить себѣ приношеніемъ хлѣба-соли новому архипастырю Москвы, — приношеніемъ якобы въ знакъ уваженія къ нему и радости по случаю его пріѣзда въ столицу... Приношеніе не принято: значитъ, и прикрытыя онымъ надежды московскихъ австрійцевъ оказались тщетными...

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ описаннаго въ вышеприведенной газетной статьѣ свиданія высокопреосвященнаго митрополита Сергія съ депутатами отъ старообрядцевъ Австрійскаго согласія. Такъ поняли его въ Москвѣ и православные и сами старообрядцы, почему изъ первыхъ всѣ горячо преданные святой церкви встрѣтили извѣстіе о немъ съ живѣйшей радостью и отрадными надеждами, а послѣдніе — съ немалымъ огорченіемъ и, можетъ быть, не безъ тревоги. Съ такими же, конечно, чувствами тѣ и другіе прочли газетную статью о свиданіи новаго московскаго митрополита съ раскольниками повсюду, куда достигаютъ газеты[1]), — потому-то мы и придаемъ важное значеніе самому напечатанію въ газетѣ этого извѣстія, утѣшительнаго для православныхъ и неутѣшительнаго для раскольниковъ.

Скажутъ: «Вѣдь раскольники просили принять отъ нихъ

[1]) Вмѣстѣ съ раскольниками недовольны, конечно, дѣйствіемъ высокопреосвѣщеннаго митрополита Московскаго мнимо-православные радѣтели раскола, которыми преизобилуетъ общество такъ называемыхъ либераловъ, и руководители такъ называемой либеральной прессы. Но это люди незнающіе ни православія, ни кривославія, — вкривь и вкось толкующіе о церкви и расколѣ по своему либеральному катихизму. Объ нихъ поэтому и говорить нечего. Мы говоримъ собственно о православныхъ, о русскихъ людяхъ, преданныхъ православной вѣрѣ — и церкви.

хлѣбъ-соль просто *по русскому обычаю*, конечно, *по старому русскому обычаю:* почему же было не принять его хотя бы только въ силу стараго русскаго обычая»? Но именно раскольники-то и не слѣдовали старому русскому обычаю, поднося хлѣбъ-соль православному митрополиту, а напротивъ самъ митрополитъ дѣйствовалъ въ духѣ стараго русскаго обычая, не принявъ ихъ приношенія. Старый русскій добрый обычай требуетъ каждое дѣло начинать молитвою и благословеніемъ, а наипаче вкушеніе пищи, — и *у себя* старообрядцы (надобно къ чести ихъ сказать) строго соблюдаютъ этотъ добрый обычай русской старины. А поднося православному митрополиту хлѣбъ-соль и при этомъ отказываясь принять его благословеніе, не находя возможнымъ вкусить отъ этого самаго хлѣба, если бы митрополитъ, въ силу именно стараго русскаго обычая, благословилъ его и съ молитвою предложилъ имъ для вкушенія, не нарушали ли они прямо этотъ старый русскій обычай, на который такъ напрасно ссылались? Если наши старообрядцы (изъ передовыхъ) такъ спокойно и равнодушно раздѣляютъ трапезу, оффиціальные и всякіе другіе пиры съ «никоніянскими» генералами и съ «никоніянами» разныхъ чиновъ, то именно потому, что тутъ совсѣмъ не думаютъ о соблюденіи старыхъ русскихъ обычаевъ; но если бы, по древнему русскому обычаю, такія трапезы начинались молитвою, если бы особенно для ихъ благословенія приглашался служитель церкви, то мы еще не знаемъ, какъ поступили бы въ такомъ случаѣ разные г-да Морозовы и Бугровы, — рѣшились ли бы вкушать отъ трапезы, благословленой «никоніанскимъ» «еретическимъ» священникомъ... А если бы рѣшились, «нужды ради» и дабы не огорчить, а особенно не утратить столь дорогое для нихъ благоволеніе генераловъ и сановниковъ, то, безъ сомнѣнія, пошли бы потомъ подъ исправу — одни къ австрійскому попу, другіе къ какому-нибудь городецкому бѣгуну,— чтобы очистить свой грѣхъ совокупнаго яденія съ еретиками-никоніянами... Нѣтъ, — въ своемъ быту раскольники еще слѣдуютъ нѣкоторымъ благочестивымъ обычаямъ русской старины, а въ сношеніяхъ съ православными ихъ не держатся и считаютъ недоз

волительнымъ держаться. Поэтому совсѣмъ напрасно ссылались они на русскій обычай, поднося хлѣбъ-соль православному митрополиту.

Съ бо́льшимъ, повидимому, основаніемъ они ссылались на примѣръ «предшественниковъ». Но на это имъ данъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, что каждый дѣйствуетъ по своему разумѣнію. Притомъ, всѣ ли «предшественники» дѣйствительно принимали хлѣбъ-соль отъ старообрядцевъ? По крайней мѣрѣ о главномъ изъ нихъ, который именно и долженъ служить высокимъ образцомъ для подражанія, о митрополитѣ Филаретѣ, мы не слыхали этого, хотя извѣстно, что онъ весьма охотно принималъ старообрядцевъ для бесѣды; мы могли бы назвать еще одного здравствующаго архипастыря изъ питомцевъ митрополита Филарета, который, въ своей епархіи, также не принялъ отъ раскольниковъ хлѣба-соли. И не одни православные епископы въ этомъ отношеніи руководствовались своими убѣжденіями, своими воззрѣніями на православіе и расколъ, а не примѣромъ «предшественниковъ». Вотъ императоръ Александръ Первый, не только принималъ такія приношенія отъ раскольниковъ, какъ хлѣбъ и соль, но принималъ даже благословеніе отъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ. Въ 1824 году, находясь въ Екатеринбургѣ и посѣтивъ раскольническую церковь, онъ поцѣловалъ руку у бѣглаго попа, который встрѣчалъ его съ крестомъ и водой, о чемъ впослѣдствіи екатеринбургскіе раскольническіе старшины со слезами умиленія разсказывали С. Д. Нечаеву (см. его «Дневникъ» подъ 13 и 15 ноября). По духу своего воспитанія, императоръ Александръ одинаково относился и къ г-жѣ Криденеръ, и къ Татариновой, и къ Селиванову, и къ раскольническому попу, очевидно, не давая должнаго значенія тому, что̀ мы называемъ истиною православія, составляющаго достояніе лишь одной Грекороссійской церкви,—и въ силу своихъ убѣжденій считалъ возможнымъ не только принимать хлѣбъ-соль отъ раскольниковъ, но и благословеніе отъ ихъ бѣглыхъ поповъ (которые, къ слову сказать, все же лучше нынѣшнихъ австрійскихъ). Но вотъ императору Александру наслѣдуетъ Государь, кото-

раго императрица Екатерина, къ счастію, не готовила царствовать, не отдавала въ руки учителей, подобныхъ Лагарпу, высокая, чисто русская душа котораго не была искажена вліяніемъ иноземныхъ философовъ и сентиментальныхъ поэтовъ, — Государь всецѣло преданный православію и заботамъ о православной церкви, глубоко скорбѣвшій, что значительная часть его поданныхъ находится въ отчужденіи отъ нея, зараженная гибельными ученіями раскола, — и въ силу своихъ убѣжденій онъ не только не находитъ возможнымъ принять благословеніе отъ раскольническаго попа, но допустить и самое существованіе такихъ бѣглыхъ священниковъ, составляющихъ позоръ для православной церкви, — не находитъ возможнымъ даже принимать и хлѣбъ-соль отъ раскольниковъ. Достаточно припомнить извѣстный случай 1845 года, при проѣздѣ императора Николая Павловича чрезъ стародубскія раскольническія слободы. Въ Воронкѣ, пользуясь минутной остановкой Государя, раскольники явились къ нему и просили принять ихъ хлѣбъ-соль. Но Государь, грозно взглянувъ на подносителей, отвѣтилъ, что не приметъ отъ нихъ хлѣба-соли, потому что они не ходятъ молиться Богу въ ту церковь, въ которой самъ онъ молится, и тогда только приметъ, когда пойдутъ въ эту церковь и будутъ молиться вмѣстѣ съ нимъ[1]). Такъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію истинно-православнаго русскаго царя императоръ Николай Павловичъ, не думая подражать «предшественнику». Раскольники, конечно, и ему ставятъ въ вину это отступленіе отъ примѣра его «предшественника»; но кромѣ пристрастнаго раскольническаго суда есть и другой, безпристрастный судъ, — судъ православнаго русскаго народа и судъ исторіи, имѣющій въ виду послѣдствія столь различныхъ отношеній къ расколу обоихъ императоровъ. Тогда какъ при одномъ расколѣ, поощряемый его снисходительнымъ вниманіемъ, широко распространился повсюду во всѣхъ своихъ отрасляхъ, а главные центры его, Рогожское и Преображенское

---

[1]) Объ этомъ событіи можно прочесть въ книгѣ: *Протоіерей Т. А. Верховскій* (Спб. 1877 г.), стр. 356.

Кладбища въ Москвѣ, достигли полнаго процвѣтанія, при другомъ расколѣ доведенъ былъ до крайняго упадка и близокъ былъ къ уничтоженію, а на обоихъ раскольническихъ Кладбищахъ въ Москвѣ водворено было единовѣріе, и полное изъятіе ихъ изъ раскольническаго владѣнія было только вопросомъ времени. Кому же изъ двухъ Государей православный русскій народъ, православная русская церковь и сама безпристрастная исторія должны принести дань благодарности и благоговѣйной памяти, — тому ли, который благосклонно принималъ раскольническую хлѣбъ-соль, подходилъ подъ благословеніе къ раскольническимъ бѣглымъ попамъ, и цѣловалъ ихъ руки, или тому, который объявилъ, что существованіе бѣглыхъ раскольническихъ поповъ (а они, скажемъ опять, все же лучше австрійскихъ) считаетъ позорнымъ для православной церкви, и торжественно провозгласилъ, что тогда только приметъ хлѣбъ-соль отъ раскольниковъ, когда они будутъ молиться Богу въ одной съ нимъ церкви?..

II.

Въ 1835 году было окончено постройкою воздвигнутое императоромъ Николаемъ зданіе Святѣйшаго Синода. Въ день сошествія Святаго Духа освящена была устроенная въ семъ зданіи церковь, а затѣмъ предстояло открытіе въ немъ синодскихъ засѣданій. Члены Святѣйшаго Синода, чрезъ посредство оберъ-прокурора С. Д. Нечаева, просили Государя, чтобы передъ симъ Его Величество, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, осчастливилъ Синодъ своимъ посѣщеніемъ. Императоръ Николай благосклонно изъявилъ на то свое согласіе, и въ назначенный день прибылъ въ Синодъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Въ залѣ синодальныхъ присутствій незабвенный Императоръ обратился къ членамъ Синода съ рѣчью, въ высшей степени замѣчательною. Среди бумагъ С Д. Нечаева сохранилась составленная имъ записка о посѣщеніи императоромъ Николаемъ Павловичемъ Святѣйшаго

Синода, въ которой изложено содержаніе этой рѣчи со всею точностію, ручательствомъ которой служитъ само служебное положеніе составителя записки, бывшаго по своей должности непосредственнымъ свидѣтелемъ происходившаго въ Синодѣ въ тотъ достопамятный день. Въ рѣчи своей императоръ Николай коснулся раскола и способовъ дѣйствованія къ успѣшному его ослабленію. Такъ какъ эти слова его имѣютъ историческое значеніе и поучительны даже для нашего времени, то мы весьма рады украсить наше изданіе напечатаніемъ въ высшей степени интересной записки бывшаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода С. Д. Нечаева[1]).

Записка о посѣщеніи Святѣйшаго Синода Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

По прибытіи въ залу присутствія Государь Императоръ, не занимая царскаго мѣста на тронѣ, изволилъ сѣсть по правую руку отъ онаго на обыкновенныя членскія кресла и подлѣ себя изволилъ указать мѣсто Государю Наслѣднику. Повелѣвъ членамъ Синода также занять свои мѣста, въ самомъ началѣ Его Величество обратилъ рѣчь къ тѣмъ неожиданнымъ и необычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ принялъ бразды правленія. Застигнутый симъ высокимъ званіемъ, когда наименѣе готовился къ воспринятію его, кромѣ затрудненій, предлежавшихъ Его Величеству въ мало еще извѣстномъ дѣлѣ государственнаго благоустройства, кромѣ важной отвѣтственности предъ Богомъ и народомъ, которой все бремя падало на рамена его, Благочестивѣйшій Государь долженъ былъ испытать чувствительнѣйшую скорбь отъ плачевныхъ происшествій 14 декабря, и вскорѣ потомъ

---

[1]) За доставленіе ея, какъ и прочихъ бумагъ изъ архива С. Д. Нечаева, мы обязаны благодарностію Д. С. Нечаеву.

вести трудныя войны съ Персіею и Турціею. Вслѣдъ за симъ государство постигнуто было ужасами эпидеміи и другая опаснѣйшая язва открылась въ мятежѣ Польскомъ и внутреннихъ безпокойствахъ въ самой столицѣ и окрестныхъ мѣстахъ. Но вездѣ видѣлъ Государь чудную помощь Господа, къ которому прибѣгать наставила его Благочестивая Родительница, а Его Величество старался поселить таковыя же чувства въ Наслѣдникѣ, и твердо удостовѣряетъ въ благоговѣйномъ его уваженіи къ религіи. Обращаясь къ эпохѣ вступленія на престолъ, Его Величество изволилъ упомянуть, что императоръ Александръ не имѣлъ счастія оставить наслѣдника; но милосердое Провидѣніе даровало ему четырехъ сыновъ, и Россія, по кончинѣ нынѣшняго Государя, вѣроятно, не будетъ въ такомъ же затруднительномъ положеніи въ отношеніи къ наслѣдованію престола. Уповая впрочемъ, что изъ нихъ по естественному порядку вѣнецъ царскій долженъ будетъ перейти къ старшему, которому присягнула уже Россія, какъ Наслѣднику, Государь Императоръ озабочивается нынѣ преподаніемъ ему нужныхъ способовъ узнать заблаговременно порядокъ и свойства всѣхъ частей государственнаго управленія; для сей цѣли повелѣлъ Его Высочеству въ прошломъ году засѣдать въ Правительствующемъ Сенатѣ, скоро намѣренъ ввести его въ Совѣтъ Государственный, теперь приводитъ его въ Святѣйшій Синодъ, чтобъ онъ въ кругу высшаго и опытнѣйшаго въ церковномъ управленіи духовенства могъ почерпнуть нужное руководство къ сохраненію въ нашемъ отечествѣ древняго православія во всей чистотѣ его и къ утвержденію въ народѣ истиннаго благочестія. Его Величество изволилъ за симъ обратиться къ членамъ съ просьбою наставить Государя Наслѣдника шествовать по пути сихъ священныхъ обязанностей, для чего Его Высочеству повелѣно будетъ по временамъ присутствовать *при засѣданіяхъ* Святѣйшаго Синода. Государь императоръ изволилъ далѣе распространиться словомъ о двухъ важнѣйшихъ предме-

тахъ относящихся до церковнаго вѣдомства: о присоединеніи уніатъ и обращеніи раскольниковъ. О первомъ Его Величество изволилъ отозваться, что оно при видимомъ благословеніи Божіемъ идетъ съ успѣхомъ, какого вначалѣ и ожидать было нельзя; *касательно втораго изъявилъ рѣшительную свою волю слѣдовать принятымъ правиламъ, находя, что здѣсь особенно нужно постоянство, твердость и умѣнье дѣйствовать ревностно безъ малѣйшаго вида гоненія.* Вообще Его Императорское Величество отозваться изволилъ, что онъ весьма доволенъ ходомъ дѣлъ церковнаго управленія, всемилостивѣйше благодарилъ за сіе Синодъ, *изъявилъ увѣренность, что и Государь Цесаревичъ будетъ слѣдовать его началамъ* въ отношеніи къ важной церковной части и, поручивъ его молитвамъ Синода, изволилъ обнять Его Высочество.

Итакъ, по прошествіи десяти лѣтъ царствованія, въ теченіе коихъ были изданы имъ уже многія узаконенія, неуклонно направленныя къ постепенному ослабленію и даже искорененію раскола, и бѣглопоповщинскаго и безпоповщинскаго, императоръ Николай, въ торжественномъ собраніи Святѣйшаго Синода, „изъявляетъ рѣшительную свою волю слѣдовать принятымъ правиламъ“ дѣйствованія относительно раскола, — правиламъ, уже достаточно опредѣлившимся въ теченіе минувшихъ десяти лѣтъ. И какъ бы въ объясненіе и подтвержденіе этой „воли“ своей, этой твердой рѣшимости неуклонно слѣдовать принятой системѣ дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, императоръ Николай, съ свойственною ему проницательностію и ясностію мысли, дѣлаетъ замѣчаніе, что „здѣсь“, въ системѣ дѣйствованія противъ раскола, „особенно нужны постоянство и твердость“, что, значитъ, всякое колебаніе, малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ правилъ, угрожаетъ здѣсь вредными послѣдствіями для дѣла, поведетъ не къ ослабленію, а къ утвержденію и усиленію раскола. Замѣчаніе,

глубокую вѣрность котораго особенно ясно засвидѣтельствовалъ печальный опытъ позднѣйшаго времени, когда начались колебанія и перемѣны въ правительственныхъ установленіяхъ и дѣйствіяхъ относительно раскола, послѣдствіемъ которыхъ было то, что расколъ получилъ новую силу и началъ проявлять себя съ необыкновенной смѣлостью и дерзостью. Относительно же собственной системы, проводимой имъ съ „постоянствомъ и твердостію“, императоръ Николай объяснилъ, что она состоитъ въ „умѣніи дѣйствовать ревностно безъ малѣйшаго вида гоненія“. И въ этомъ именно состояла его система дѣйствованія противъ раскола. „николаевскія гоненія“, о которыхъ вопіютъ раскольники, были совсѣмъ не гоненія, а только ревностная заботливость о томъ, чтобы раскольники не уклонялись отъ исполненія требованій закона. Можно представить себѣ, какое отрадное впечатлѣніе должно было произвести на членовъ Синода это выраженіе твердой воли Государя неуклонно слѣдовать принятымъ имъ, столь благотворнымъ для церкви, правиламъ дѣйствованія противъ раскола, — и великій императоръ не измѣнилъ своему слову: до конца жизни онъ слѣдовалъ неизмѣнно своимъ, однажды навсегда принятымъ, правиламъ, и если бы угодно было Богу продлить его жизнь, конечно, достигъ бы полнаго ослабленія, даже искорененія раскола въ русской церкви.

Крайне примѣчательно и то, что̀ говорилъ Императоръ Николай о своемъ Наслѣдникѣ. Онъ „изъявилъ увѣренность, что Государь Цесаревичъ будетъ слѣдовать его началамъ въ отношеніи къ важной церковной части“, значитъ и въ отношеніи къ расколу. Въ первые годы царствованія императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно изъявлялъ готовность слѣдовать и слѣдовалъ въ отношеніи къ расколу началамъ своего Родителя, — онъ не затруднился прибѣгнуть даже къ такой мѣрѣ противодѣйствія успѣхамъ раскола, какъ запечатаніе алтарей въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, такъ какъ на Клад-

бищѣ не было и не должно быть священниковъ, имѣющихъ право входить въ алтарь и совершать тамъ литургію. И онъ дѣйствовалъ такъ, не смотря на то, что тогда уже существовала и пріобрѣла вліяніе на дѣла цѣлая клика высоко- и невысоко-поставленныхъ лицъ, громко осуждавшая всю систему прежняго царствованія и особенно „николаевскія“ начала дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, а едвали не единственнымъ, правда могучимъ, защитникомъ ихъ былъ митрополитъ Филаретъ. Первые годы новаго царствованія внушали такимъ образомъ надежду, что императоръ Александръ Николаевичъ намѣренъ слѣдовать въ отношеніи къ расколу началамъ минувшаго царствованія, въ чемъ Державный Родитель его выразилъ такъ торжественно свою „увѣренность“, присутствуя въ Синодѣ и родительски обнимая своего возлюбленнаго сына — Наслѣдника престола. Однако новыя вѣянія постепенно приходили въ бо́льшую и бо́льшую силу, подкрѣпляемыя въ нѣкоторыхъ раскольническимъ золотомъ: послѣдовало мало-по-малу почти полное крушеніе „николаевской системы“ дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, отличавшейся „постоянствомъ, твердостію и умѣньемъ дѣйствовать ревностно, безъ малѣйшаго вида гоненія“, — и вотъ расколъ высоко поднялъ голову, достигъ того положенія, съ которымъ приходится имѣть дѣло теперь, въ благословенное Богомъ царствованіе поистиннѣ Великаго и Благочестивѣйшаго Государя, истинно русскаго душою, сердцемъ и умомъ, истиннаго Отца русскому народу и перваго, преданнѣйшаго Сына православной русской церкви...

Отдѣльный оттискъ изъ № 18 журнала «*Братское Слово*» за 1893 г.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, ноября 26-го дня, 1893 года.
Цензоръ, священникъ *Іоаннъ Петропавловскій*.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера